

VARIA*

Главный земельный комитет**

В. П. Семенова Тянь-Шанскаго

Послѣ Февральской революціи Министромъ Земледѣлія сталъ А. И. Шингаревъ, по профессіи земскій врачъ, никогда раньше не имѣвшій отношенія къ этому вѣдомству и вообще не работавшій въ области земледѣлія и землеустройства. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго Министра было изданіе новаго закона о землѣ. Появленіе этого закона было вызвано причинами политическими или даже скорѣе демагогическими. Не имѣя ни понятія о структурѣ законовъ, ни опыта государственнаго дѣятеля, Шингаревъ создалъ не законъ, а какую-то декларацию, да и то не совсѣмъ грамотно написанную.

Появленіе новаго закона вызвало необходимость созданія цѣлой сѣти учреждений для проведенія въ жизнь деклараціи, и въ главу этихъ учреждений былъ поставленъ «Главный Земельный Комитетъ».

Комитетъ этотъ былъ сконструированъ наспѣхъ. Предсѣдателемъ его назначенъ профессоръ политической экономіи А. С. Постниковъ. Были привлечены къ участию въ Комитетѣ и представители вѣдомствъ. Вообще, какъ всѣ революціонныя учрежденія, Комитетъ имѣлъ, благодаря своей конструкціи и составу, а также отношенію къ другимъ оставшимся цѣлыми дореволюціоннымъ учрежденіямъ, совершенно неопредѣленную фізіономію и функціи. На первыхъ порахъ ему, во всякомъ случаѣ, была поставлена задача сконструировать сѣть мѣстныхъ учреждений и поставить ихъ въ іерархическую связь и зависимость другъ отъ друга.

Представителемъ отъ Министерства Юстиціи въ Комитетъ былъ назначенъ Оберъ-Прокуроръ 2-го Д-та Сената, проф. гражданскаго права, И. М. Тютрюмовъ, который, какъ самъ мнѣ лично сказалъ, далъ Министру Юстиціи свое согласіе лишь условно — если ему будетъ данъ замѣститель-помощникъ по его выбору; этимъ замѣстителемъ онъ просилъ быть меня, какъ своего старшаго товарища Оберъ-Прокурора и члена Совѣта Министра Юстиціи, причемъ, приглашая меня, поставилъ вопросъ такъ, что если бы я не согласился, то онъ, Тютрюмовъ, также отказался бы отъ предложенной ему обязанности.

Не ожидая большой пользы отъ своего участія въ Главномъ Земельномъ Комитетѣ, ибо было ясно, что все дѣло сводится къ отрицанію права частной собственности на землю, а мы съ Тютрюмовымъ, какъ цивилисты, не могли сочувствовать такому направленію, я все же согласился на сдѣланное мнѣ предложеніе, считая, что, быть можетъ, удастся обуздать пѣкоторые неумѣренныя и неразумныя вождельнія и стремленія. Полагая, однако, что я буду замѣстителемъ Тютрюмова только тогда, когда ему самому нельзя будетъ бывать на засѣданіяхъ Комитета, я просилъ постоянно держать меня въ курсѣ какъ того, что тамъ дѣлается, такъ и того, какой линіи держится самъ представитель Министерства Юстиціи.

Въ самое первое время все такъ и шло. Но очень скоро мнѣ пришлось нести обязанности представителя почти исключительно одному. И. М. Тютрюмовъ имѣлъ присущее многимъ русскимъ свойство набирать себѣ цѣлую кучу всякихъ дѣлъ и обязанностей, очень часто мелочныхъ и служащихъ только къ тому, чтобъ онѣ мѣшали сосредоточиваться на главныхъ. Помимо своей службы въ Сенатѣ и профессуры въ Университетѣ, Тютрюмовъ былъ, напр., гласнымъ Петроградской Гор. Думы, предсѣдателемъ ея юридической комиссіи и не сумѣлъ даже отказаться отъ участія въ школьной комиссіи Думы, причемъ состоялъ завѣдующимъ 2 городскихми школами, т. е. долженъ

* Въ настоящемъ отдѣлѣ «Архива Русской Революціи» будутъ печататься присылаемая памъ дополненія и исправленія опубликованнаго уже въ вышедшихъ томахъ матеріала.

** Настоящая замѣтка вызвана желаніемъ дополнить, а отчасти и исправить воспоминанія А. Демьянова («Архивъ Русской Революціи», т. IV) въ той ихъ части (стр. 103), которая касается дѣятельности представителей Министерства Юстиціи въ Главномъ Земельномъ Комитетѣ.

былъ нянчиться съ нѣсколькими весьма мелочными дамами, учительницами этихъ школъ и проч. Уставши за зпму отъ всѣхъ этихъ обязанностей, Тютрюмовъ на лѣто уѣхалъ на отдыхъ къ себѣ въ деревню.

Какъ то лѣтомъ, прїѣхавъ въ Земельный Комитетъ до начала засѣданія, я подошелъ къ Постникову, который, имѣя нѣсколько минутъ свободнаго времени, сталъ со мной бесѣдовать по поводу работъ Комитета. Я высказалъ ему, что нахожу эту работу очень мало производительной и медленной, такъ какъ многіе члены Комитета, а въ особенности присылаемые изъ губерній мѣстные представители говорятъ слишкомъ много и безтолково, что такимъ образомъ не только невозможно создать какой либо законъ, благодаря юридической безграмотности большинства членовъ Комитета, но даже далеко не всегда можно уловить и общую идею предстоящей земельной реформы. Къ удивленію моему, Постниковъ не только раздѣлялъ мои взгляды, но высказывался гораздо болѣе рѣзко. Онъ прямо мнѣ сказалъ: «А вы думаете, что вообще здѣсь можно что либо создать? Надо попросту разогнать всѣхъ этихъ господъ. Вѣдь если кто можетъ что либо сдѣлать, то это только мы съ Вами и намъ подобные, — люди дѣйствительно интеллигентные и культурные, съ экономическимъ, юридическимъ и вообще высшимъ образованіемъ.»

Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Комитета со мною, какъ замѣстителемъ представителя Министерства Юстиціи, произошелъ такой инцидентъ. Незнакомое мнѣ, впервые появившееся въ засѣданіи лицо, вполне культурнаго вида (въ отличіе отъ многихъ другихъ), попросивъ у председателя слова, обратился къ Постникову съ заявленіемъ, что хотя онъ и является представителемъ специальной части Министерства Юстиціи — межевой, но не видя представителя Министерства Юстиціи, И. М. Тютрюмова, желалъ бы высказать свои соображенія. Председатель остановилъ говорившаго и объяснилъ, что замѣститель представителя Министерства находится на лино, и указалъ на меня. Произошелъ нѣкоторый конфузъ, а нѣкоторые члены (среди нихъ были, несомнѣнно, и большевики) злорадно, какъ мнѣ показалось, переглянулись. Въ перерывѣ засѣданія представитель Межевой части подошелъ ко мнѣ съ извиненіемъ, на что я сказалъ, что онъ здѣсь не при чемъ, а что виновато, конечно, Министерство, ибо мнѣ не было сообщено о назначеніи такого представителя отъ Межевой части (а послѣднему не было сообщено о томъ, что я состою замѣстителемъ представителя), и что я поѣду завтра въ Министерство Юстиціи объясняться. Составивъ на слѣдующій день докладную записку объ инцидентѣ и о томъ, что я считаю невозможнымъ работать, когда Министерство не только само не интересуется вопросами, обсуждающимися въ Комитетѣ, но не ставитъ въ курсъ дѣла и своего министра — члена Правительства, — я рѣшилъ поѣхать лично къ Ефремову, бывшему въ то время Министромъ Юстиціи. Не заставъ Министра, я передалъ мою записку Директору 1 Департамента, прося передать ее Министру, и уѣхалъ домой. Въ тотъ же или на слѣдующій день я по телефону получилъ приглашеніе явиться къ М-ру, что сейчасъ и сдѣлалъ. Ефремовъ тотчасъ же меня принялъ и сказалъ, что считаетъ меня вполне правымъ: въ кабинетъ Министра въ это время входили товарищи Министра А. Демьяновъ и Г. Д. Скарятинъ, такъ что наша бесѣда велась частью при нихъ. Ефремовъ въ заключеніе разговора прибавилъ, что онъ вообще рѣшилъ усилить составъ представителей Министерства, почему и назначаетъ меня не замѣстителемъ, а вторымъ представителемъ, и проситъ меня все время ставить въ курсъ дѣла какъ лично его, такъ и его товарищей. На это я сказалъ, что считалъ бы полезнымъ имѣть общеніе не только съ чинами Министерства Юстиціи, но и съ представителями другихъ вѣдомствъ, что я одинъ разъ и сдѣлалъ уже частнымъ образомъ, устроивъ совѣщаніе съ представителями Министерства Вн. Дѣлъ (Управляющимъ Зем. Отдѣломъ и его помощникомъ) и выработавъ общій планъ дѣйствій для одного изъ засѣданій Земельнаго Комитета.

Такъ какъ Ефремовъ не былъ юристомъ, да и постоянныя засѣданія Совѣта Министровъ отнимали у него много времени, и наконецъ, онъ вскорѣ и вовсе ушелъ со своего поста, — въ дальнѣйшемъ я уже имѣлъ дѣло съ Демьяновымъ и Скарятиннымъ, которымъ, между прочимъ, передалъ съ трудомъ полученный мною изъ канцеляріи Земельнаго Комитета циркуляръ Министра Земледѣлія Чернова, далеко превосходившій по радикальности и лѣвизнѣ, а также и безтолковости все то, что творилось въ Комитетѣ, и шедшій даже въ нѣкоторыхъ частяхъ въ разрѣзъ съ тѣмъ курсомъ, котораго старался держаться председатель Комитета (если это вообще возможно было назвать курсомъ). Постниковъ очень негодовалъ на этотъ циркуляръ не только по существу, но и потому, что его изданіе являлось вмѣшательствомъ въ его, Постникова, дѣятельность.

Впослѣдствіи, когда А. Демьяновъ написалъ свою записку по поводу этого циркуляра и вообще о незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ земельныхъ органовъ, поощряемыхъ къ тому Черновымъ, и копію этой записки получилъ и А. С. Постниковъ, послѣдній, по свойственной ему ревнивой обидчивости и старческой раздражительности, сталъ негодовать и на это, по его мнѣнію, вмѣшательство въ его сферу. Содержаніе записки онъ доложилъ Комитету. Благодаря наладившейся связи моей съ высшими чинами Министерства Юстиціи, копію записки Демьянова я имѣлъ въ рукахъ раньше Постникова и потому сказалъ въ засѣданіи Комитета, что записка эта имѣетъ въ виду указаніе исключительно на неkoordinированность дѣйствій Правительства. Какъ опытный председатель Пост-

никовъ не допустилъ обсужденія записки по существу въ Комитетѣ и заявилъ, что самъ поѣдетъ объясняться съ Министерствомъ Юстиціи. На этомъ въ Комитетѣ инцидентъ и окончился.

Записка А. Демьянова была составлена безъ какого бы то ни было участія съ моей стороны, но все же я подумалъ, что А. С. Постниковъ подозрѣваетъ меня въ сообществѣ съ чинами Министерства Юстиціи и вообще въ желаніи подковырнуть Комитетъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько ранѣе, исправляя обязанности Оберъ-Прокурора 2-го Д-та Сената (за отсутствіемъ И. М. Тютрюмова), я получилъ отъ одного уѣзднаго земельного комитета телеграмму, адресованную на имя Сената, съ требованіемъ выслать этому комитету одно изъ нерѣшенныхъ еще Сенатомъ землеустроительныхъ дѣлъ, съ угрозою, что если это не будетъ исполнено, то Уѣздный Комитетъ самъ рѣшитъ дѣло по своимъ собственнымъ соображеніямъ и своими средствами. На такой телеграммѣ, возмутительной по тону, я сдѣлалъ надпись «доложить Пр. Сенату», и секретарь мой заготовилъ уже ордеръ канцеляріи о докладѣ ея въ ближайшемъ засѣданіи. Однако, прежде чѣмъ подписать ордеръ, я показалъ телеграмму Первоприсутствующему Сенатору В. И. Тимофеевскому, состоявшему въ то время сенаторомъ 2-го Департамента. Тимофеевскій очень нервно вступилъ со мною въ пререканіе, говоря, что нельзя докладывать «всякія глупыя бумаги» Сенату, на что я возразилъ, что бумаги, адресованныя на имя не Оберъ-Прокурора, а Сената я не имѣю права «пріобщать къ ряду ненужныхъ бумагъ». Въ концѣ концовъ, мы, по моему предложенію, помирились на томъ, что Первоприсутствующій на телеграммѣ сдѣлаетъ надпись «передать къ дѣламъ Оберъ-Прокурора», а я уже отъ себя распоряжусь этою бумагою, — что я и сдѣлалъ, отправивъ эту телеграмму Министру Юстиціи. Возможно, что эта телеграмма также послужила матеріаломъ для записокъ А. Демьянова.

При постоянномъ общеніи съ высшими чинами Министерства Юстиціи, я вручилъ Г. Д. Скарятину также свою записку по поводу появившихся въ 1-омъ и 2-мъ №№ оффиціального печатнаго органа Главнаго Земельнаго Комитета, его «Извѣстій» — передовыхъ статей Н. П. Огановскаго (также назначеннаго Керенскимъ Сенаторомъ во 2 Д-тъ, народнаго социалиста), написанныхъ въ тонѣ призыва крестьянъ къ погромамъ частно-владѣльческихъ имѣній и усадебъ. О погромномъ характерѣ этихъ передовицъ, изложенныхъ въ формѣ бесѣды съ крестьянами и совѣтовъ, какъ имъ распорядиться землею, и о сродствѣ ихъ съ послѣдующимъ Ленинскимъ призывомъ «грабь награбленное» свидѣтельствовали такія напр. ихъ фразы: «когда это воронье гнѣздо — помѣщичье землевладѣніе — будетъ окончательно разорено» ... и т. д. или «въ 1905—06 гг., когда воля трудового народа — крестьянства была написана огненными буквами на небесахъ, въ видѣ зарева пожаровъ помѣщичьихъ усадебъ» и проч.

Такъ какъ составъ Комитета и періодическихъ съѣздовъ его мѣстныхъ представителей значительно лѣвѣлъ и все быстро катилось къ большевизму, причѣмъ очень часто высказывались сужденія, что съ «устарѣвшими» юридическими понятіями считаться вовсе не слѣдуетъ, ибо наступила пора «революціоннаго правосознанія и правотворчества», то намъ почти бесполезно было дѣлать въ Комитетѣ свои возраженія, тѣмъ болѣе, что мы, представители вѣдомствъ, не пользовались даже правомъ рѣшающаго голоса. Одинъ разъ мое замѣчаніе, что въ составъ комитетовъ (главнаго и мѣстныхъ) не слѣдовало бы вводить «солдатскихъ и рабочихъ» депутатовъ, ибо они, если не крестьяне, не имѣютъ никакого отношенія къ землѣ, а если есть среди нихъ крестьяне, то они являются уже крестьянскими депутатами, причѣмъ солдаты — даже не классъ, а лишь временное состояніе каждаго гражданина, — вызвало такой потокъ негодующихъ словъ, что Постниковъ даже и не баллотировалъ моего предложенія. Другой разъ на недопустимую съ моей точки зрѣнія рѣчь одного изъ членовъ Комитета — социаль-демократа, несомнѣннаго большевика (еврея, фамиліи не помню), я далъ реплику, что во всякой цивилизованной странѣ, даже самой либеральной, рекомендуемая ими мѣры были бы квалифицированы какъ грабежъ и разбой, и привелъ признаки этихъ преступленій по общимъ нормамъ уголовнаго права, — снова поднялся шумъ и возраженія, что представители министерства юстиціи имѣютъ устарѣлыя юридическія понятія.

При такихъ условіяхъ бѣдному А. С. Постникову было очень трудно держать какой либо курсъ, тѣмъ болѣе, что во всѣ законопроекты, составлявшіеся Канцеляріей Комитета по его указаніямъ, въ каждомъ засѣданіи, при частичномъ мѣнявшемся составѣ членовъ, вносили постепенно новыя и новыя поправки, совершенно искажавшія уже обсужденныя статьи.

Хотя такимъ образомъ роль представителей вѣдомствъ сводилась почти исключительно къ наблюденію надъ происходящими событіями, — мною по соглашенію съ Г. Д. Скарятинымъ, во время обсужденія вопроса о составѣ и функціяхъ реорганизуемаго Главнаго Земельнаго Комитета, было внесено предложеніе о спаженіи правомъ рѣшающаго голоса и представителей Министерства Юстиціи. Совершенно случайно Постникову удалось провети это мое предложеніе (кажется большинствомъ 1 или 2 голосовъ)*; этотъ успѣхъ объяснялся лишь тѣмъ, что въ засѣданіи по какой то причинѣ не участвовала часть наиболѣе лѣвыхъ членовъ.

* Насколько помнится, такое же право голоса было дано и представителямъ Министерства Вн. Дѣлъ, которые присоединились къ моему предложенію.

Что касается собственно земельного закона, т. е. вопроса о землепользовании, то не подлежало никаким сомнѣніямъ, что общее его основаніе должно было лежать въ полномъ отрицаніи права частной собственности на землю, въ чемъ сходились всѣ члены Комитета социалисты, а ихъ было большинство. Однако, и между социалистами шла жестокая грызня изъ за способовъ осуществленія этихъ основаній. Очень язвительно и жестоко нападали на народныхъ социалистовъ и социалистовъ-революціонеровъ социаль-демократы, вполне логично говоря, что проводить идею отрицанія права частной собственности можно лишь въ полномъ объемѣ, т. е. тогда, когда она не будетъ признаваться не только по отношенію къ землѣ сельско-хозяйственнаго назначенія, но и ко всякой недвижимости и движимости. Въ смыслѣ перевертыванія всякихъ юридическихъ понятій доходило до того, что даже одинъ изъ чиновъ канцеляріи Комитета, кооптированный въ число его членовъ — не только за свою трудоспособность, но главнымъ образомъ, за свои демагогическіе приемы (бывшій раньше моимъ помощникомъ по должности Оберъ-Прокурора Сената), — главный докладчикъ по законопроектамъ, — договорился до того, что земля не можетъ быть объектомъ права собственности потому, что таковымъ не можетъ быть напр. вода въ морѣ.

Видя, что изъ законопроектовъ, выработывавшихся въ Земельномъ Комитетѣ, ничего путнаго выйти не можетъ, я еще до возвращенія изъ деревни И. М. Тютрюмова совѣщался по поводу предстоящаго внесенія законопроекта о земельныхъ комитетахъ во Временное Правительство — съ Г. Д. Скарятинымъ и представилъ ему въ письменной формѣ всѣ свои возраженія на статьи этого законопроекта. Скарятинъ переговорилъ по поводу этого съ занявшимъ въ то время постъ Министра Юстиціи П. Н. Малянтовичемъ.

Вслѣдствіе этого мы, т. е. вернушіеся къ этому времени изъ деревни И. М. Тютрюмовъ и я, а также Скарятинъ были приглашены черезъ нѣсколько дней къ Малянтовичу, для обсужденія законопроекта о земельныхъ комитетахъ, подлежащаго разсмотрѣнію въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта Министровъ (Временнаго Правительства). Малянтовичъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка толковаго и умѣющаго выслушивать другихъ, несмотря на полное различіе взглядовъ, но человѣка, желающаго показать и свою популярность, и свою энергію; такъ онъ успѣлъ намъ рассказать о своей дѣятельности въ Москвѣ въ первые дни революціи и о томъ, что онъ якобы спасъ какого-то полковника или генерала, принятаго толпою за жандарма, а оказавшагося служащимъ въ контръ-развѣдкѣ (военной), — но умолчалъ, конечно, о пятнахъ въ своей прежней дѣятельности. — Какъ курьезъ, могу рассказать, что, защищая въ разговорѣ съ Малянтовичемъ предложенную мною редакцію одной статьи, касавшейся отчужденія частей частновладѣльческихъ земель, я привелъ примѣръ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое отчужденіе можетъ быть вполне цѣлесообразно и съ хозяйственной точки зрѣнія, напр., когда при проведеніи желѣзной дороги у частнаго владѣльца остается небольшой кусокъ земли за полотномъ дороги, которое мѣшаетъ ему вести хозяйство на отрѣзанномъ участкѣ. На это Малянтовичъ (социаль-демократъ) съ живостью сдѣлалъ такую реплику: «Представьте себѣ, какъ разъ такой случай былъ у меня въ имѣніи.» Думаю, что подобныхъ Малянтовичу социаль-демократовъ, владѣвшихъ имѣніями, въ Россіи можно было найти не одинъ десятокъ!

Такъ какъ разсмотрѣніе проекта закона о земельныхъ комитетахъ во Временномъ Правительствѣ почему-то замедлилось, то Малянтовичъ рѣшилъ еще созвать наше маленькое совѣщаніе, увеличивъ его составъ. Въ ближайшіе же дни такія совѣщанія и состоялись въ зданіи М-ва Юстиціи, подъ предсѣдательствомъ Г. Д. Скарятина и при участіи Директора 1 Департамента Мордухай-Болтовскаго. На нихъ мы составили подъ видомъ поправокъ свой собственный проектъ закона, который Малянтовичъ, въ видѣ такихъ поправокъ къ каждой статьѣ комитетскаго проекта долженъ былъ отсталивать во Временномъ Правительствѣ. Конечно, нашъ проектъ, въ виду того, что въ немъ участвовали только юристы, во всякомъ случаѣ былъ составленъ вполне грамотно. На послѣднее наше совѣщаніе мы пригласили изъ Канцеляріи Главнаго Земельнаго Комитета, кажется, съ разрѣшенія Постникова, того самого чиновника, о которомъ я говорилъ выше и который долженъ былъ докладывать комитетскій проектъ закона въ засѣданіи Временнаго Правительства, и убѣдили его переработать и свой проектъ въ нѣкоторыхъ частяхъ для того, чтобы впоследствии было меньше споровъ.

О томъ, что происходило въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства при начавшемся обсужденіи законопроекта о земельныхъ комитетахъ, мнѣ въ точности неизвѣстно. Знаю я только то, что на докладчика способъ обсужденія не только этого проекта, но и другихъ вопросовъ, произвелъ удручающее впечатлѣніе. Въ особенности безотрадное впечатлѣніе производилъ самъ «глава» А. Ф. Керенскій, котораго этотъ докладчикъ уподобилъ прапорщику, радующемуся тому, что онъ надѣлъ новую военную форму. Обсужденіе земельныхъ законовъ все замедлялось, а затѣмъ наступилъ октябрьскій большевистскій переворотъ, и все съ нимъ кончилось...